

Газетный фильм

СЫН

25 ноября 2015 года. Город Шали, Чечня. Родион Заболотский на могиле отца Ахмеда Хасиева. На втором плане — стена зиярта (усыпальницы) деда, муллы Хамида

МОСКВА — ГРОЗНЫЙ

У него русское имя Родион. Его воспитали бедность и улица. Он «бомбил» на старенькой «Оке» и выступал на «Фабрике звезд». Он привык жить «по понятиям», хотя научился ладить с законом. Он пахал сутки напролет, но всегда верил в легкие деньги. Он стал байкером и боролся с кавказцами. Его судьбу изменил один телефонный звонок. Выяснилось, что вся его родня живет в Чечне...

Воскресное  чтение



23 ноября 2015 года. Город Грозный, Чечня. Родион Заболотский на центральной площади возле мечети «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова

Мотор. Хлопушка

Этой истории могло и вовсе не случиться. Успешному москвичу Родиону Заболотскому, шомену и байкеру, человеку, мягко говоря, не испытывающему никакого уважения к облюбовавшему столицу «лицам кавказской национальности», однажды в мотомастерскую раздался телефонный звонок и прозвучал голос далеких гор: «Тимур говорит. Слушай, дорогой, мэнэ запчасти для «харлей» надо, да...» Этой истории не было бы, если бы в тот момент что-то не сработало, не «щелкнуло» в его сознании, и вместо ожидаемого от самого себя «да пошел ты...» не появилось желание еще раз попытаться, а вдруг этот горец что-то может узнать про отца, хотя двенадцать лет поисков ни к чему не привели.

— Слушай, дорогой, — передразнивая, тогда предложил Родион, — мне надо «следы» одного человека найти. Его звали Олег Асив. Он из Шали (город в тридцати шести километрах к юго-востоку от Грозного). Умер тридцать лет назад. Но должна остаться родня. Найдешь информацию — запчасти пришло бесплатно.

— О'кей, я перезвоню, — «дитя гор» повесил трубку, казалось бы навсегда, потому что чеченцу никакого желания продавать запчасти у Родиона еще год назад не было и быть не могло. В силу жестких и принципиальных убеждений.

Минут через пятнадцать голос в трубке прорезался вновь.

— Слышишь, чурка, — собеседник, уже чувствовалось, играл в «Мимино» и явно говорить мог намного чище, без рыночного акцента. — Твой человек был. Он там похоронен. Его звали Ахмед Хасиев. Родня живет в Шали. Уважаемые люди. Там даже улица Хасиева есть. В честь твоего деда. Он был известный на всю Чечню мулла...

Роджер

Ноябрь 2015 года. Редакция «Вечерней Москвы».

Я разговариваю с Роджером (так друзья называют Родиона) после понедельничного эфира нашей телестудии, в котором только что связались по скайпу с чеченскими байкерами. Телемост с Грозным завершился, тот самый Тимур и товарищи-мотоджигиты остались в своей мастерской-гараже, что на Комсомольском проспекте чеченской столицы...

Если коротко, то история Роджера-Родиона сама по себе и без сюжета со вновь обретенной родней, может «тянуть» на увлекательную киноповесть. Блокбастер. В котором было бы показано все, что проживали мы последние тридцать лет. Всей страной. Судьбой одного человека. Где были нищета и гламур. Шальные деньги и жизнь «по-понятиям». Дружба и предательство. Взлеты и падения...

— Отец умер, когда мне было два года, — начал Роджер. — Мама не рассказывала про него: она снова вышла замуж, поэтому в моем паспорте стоит фамилия отчима. Он хороший человек. Вырастил меня. Он тоже мой отец. Семья тогда перебралась из Казахстана, где я родился, в небольшой поселок Камские Поляны. Это Татарстан. Там прошло мое детство. Отец — художник-оформитель (забегу вперед — дальше Роджер всегда отчима называл отцом). Мама — учительница. Времена были лихими, жили бедно. Отец брался за любую работу, — получить заказ на «оформление» дворца культуры или сельского клуба в начале 90-х стало нереально. Мама месяцами не получала и без того нищенскую зарплату. Словом, не до жиру...

— Юность прошла уже в Нижнекамске, — он пытается спрятать глаза, и видно, что не очень-то хочет вспоминать о том времени.

— Я знаю. Мне приходилось бывать в конце восьмидесятых в тех местах, — все же пыта-

юсь вывести его на откровение. — Командировки от газеты. Тогда там города были во власти криминальных молодежных группировок...

— Да, в корень смотришь. Я тоже в такой состоял. Спекулировал, как многие. Кавказцев гонял. — Роджер понимает, что не придется вдаваться в детали. — Просто в один прекрасный момент мне пришлось уехать в Москву. Искали все: и менты, и бандиты. На старенькой «Оке», с тремя тысячами рублей в кармане. И представляешь, подъезжаю к столице, у дальнбойщиков спрашиваю, как мне добраться «до МХАТА». Друзья сказали, что Москва начнется сразу, когда попадешь «на МХАТ». Из водил ни один не знал. Показывали в сторону Москвы и говорили — это там, но где МХАТ — не знают. Найдешь, дескать, по указателям. И только за сто километров я понял, что друзья имели в виду МКАД...

— Нашел?..



Байкер Тимур Багаев — он нашел родственников Роджера

— Ага. Но спустя время, — впервые с начала разговора на его лице появляется улыбка. — А тогда въехал в город, припарковался где-то возле спортивного комплекса на Варшавке. Сутки, наверное, проспал в «Оке». Потом за тысячу договорился с охранниками комплекса. Пустили помыться и привести себя в порядок. Молодой был, безбашенный. Начал таксовать. Денег заработал. Угол снял. Словом, устроился. А через пару недель выгащил свой «счастливый билет».

— Кто-нибудь сумку с деньгами в автомобиле забыл? И ты не вернул? — пытаюсь шуткой подержать рассказ.

— Хорошая версия. Да нет. Понимаешь, таксу в центре, в районе Лубянки. Вдруг из одного кабака выскакивает мужик в дорогом костюме. Орет что-то в трубку мобильного (тогда в редкость еще они были). Я на всякий случай притормозил возле него. А он влезает в мою «Оку», видно, что «разобранный». И орет мне — давай, на Рублевку. Я ему, как таджик: а дорогу покажешь? Он не смутился, спрашивает, где Кутузовский проспект, знаешь? Знаю! Вот и дуй туда, дальше покажу. Въезжаем на Кутузовский, а там — пробка. Он мне показывает, дескать, давай, на правительственную полосу. Сам в телефон матерится, не переставая. Я думаю — вот, попал... Если что, если остановят, скажу что заставил пассажир. Пьяный, угрожал...

— Остановили?

— Еще бы!!! «Ока» на правительственной трассе! Мент бежал к нам, как ошпаренный. Орал на меня, я думал, сразу стрелять будет. А пассажир мой ему «ксиву» в нос. И мент сразу сник. Руку к фуражке — извините, товарищ... Не господин, заметь! Товарищ...

— Добрались, значит, до Рублевки... — пытаюсь не выйти из сюжета я.

— Не просто добрались. Нас на МКАД милицеевская машина встретила. Я за ней. Кортелем. На «Оке»! Словом, приехали к красивому большому дому. Мой пассажир уже успокоился. Но, уходя, назвал телефон. Велел позвонить утром. Не просил. Велел!

— И ты?...

— Я все утро мучился: звонить, не звонить... Потом все-таки решился. Он долго расспрашивать не стал. Говорит: «Мой водитель вчера меня сильно подвел. Пока я в кабаке был, он «бомбить» поехал. А мне, понимаешь, срочно, домой... Дела. Государственные. Здесь ты со своей «Окой». Мне плевать было, «Ока», «Мерседес». А ты — молодец, не испугался. Словом, приезжай, возьму на работу водителем. Деньги хорошие. Жилье тоже есть. А там все от тебя зависит. Будешь дураком, повторишь судьбу прежнего».

— Олигарх?

— Да нет. Он же сказал — дела государственные. Словом, называть не буду, но крупный правительственный чиновник. Пока у него работал, денег немного накопил и решил их вложить в то, о чем мечтал с детства: в мотомастерскую. Всегда грезил «харлеями». Вот и потратил все деньги в запчасти. Из Америки выписал. А здесь еще, повезло, как раз байкерский бум в Москве начался. В общем, дела пошли в гору...

— Значит, ты все-таки бизнесмен теперь? — я понимаю, что пора перейти от автобиографии к основной теме, иначе в деталях застрянем надолго.

— Увы, нет. У меня вообще в то время «поперло». Однажды проезжал мимо «Останкино», смотрю толпа у входа. Любопытно стало. Я вообще — с детства любопытный. Я в толпу: «Что это вы тут все делаете?» Мне говорят: «Это кастинг на «Фабрику звезд». Короче, оказался я на пятой «Фабрике». Не буду утомлять, но дошел до финала. А после окончания проекта ездил «на чес» с «фабрикантами», пел в дуэте с Валерией, играл на гитаре для Пугачевой... Вот, хочешь, посмотри, у меня в телефоне есть ролики тех лет. Не сейчас?... Ладно. Так и разрывался между мотоциклами, концертами. Свой альбом записал. Диджействовать начал. В конце концов мастерскую свою недавно продал. Хотя «харлей» бросить не смог...

— Тимур тебе ведь еще в мастерскую звонил?

— Ага, слушай, а ведь было это совсем недавно...

— А давай вместе поедem к твоим новым родственникам! — предлагаю я, хотя понимаю, что многое до поездки нужно будет проверить. — Расходы на поездку возьму я, с деньгами не парься.

Кинохроника

2000 год



2015 год



Так выглядел проспект Победы после освобождения города от боевиков (фото сверху). За четыре года он был полностью реконструирован и 5 октября 2008 года переименован в проспект имени Владимира Владимировича Путина

Голос за кадром

Уж слишком «правильный» фильм получается. Прямо «Болливуд»! Готовый сериал про «миллионера из трущоб»! Что-то внутри неспокойно. Не может так, «гладко». Без сучка и задоринки. Да, я тоже прошел сквозь те времена, с братками и люберами, с казанскими и солнцевскими. Но мне всегда казалось, что человек остается там навсегда, даже если вовремя поменял клетчатые бананы на костюм «от Бриони». Но жизнь — есть жизнь, Она часто преподносит сюжеты почище тех, которые бригады сценаристов штампуют для мыльных опер.

— Да я и не парюсь. При деньгах. А тебе, твоей газете, правда это интересно?

— Понимаешь, старик... — Мы уже общаемся по-дружески, несмотря почти на двадцать лет разницы в возрасте. Я старше. — Во-первых, твоя судьба, если ты не завираешь, сама по себе — сюжет. А во-вторых, я тоже бывал в Чечне. Три раза. Вот только во время войны. Работал военным корреспондентом «Известий». Кое-что видел. Хочу, пользуясь случаем, сейчас посмотреть на Чечню мирную. Очень много небылиц. Что правда, а что нет — не понимаю. Словом — интересно...

Счастливый человек — ты едешь в Чечню!

Ноябрь 2015 года. Москва. Постоянное представительство Чеченской Республики при президенте РФ.

Полномочный представитель Чеченской Республики при Президенте РФ, вице-премьер чеченского правительства Бекхан Таймасханов встретил меня приветливо-настороженно. Но когда узнал, что никаких денег не нужно, а я всего лишь хочу поставить в известность, что буду делать такой сюжет, растаял. — Счастливый человек. Тебе деньги не нужны! — сострил Бекхан, понимая, что мой визит не связан с «финансовым вопросом». — Неужто правда такая история? Всю жизнь считал себя русским, а оказался чеченцем? Вот это да! С кавказцами боролся, а сам кавказцем оказался! Вот это кино!!! И родственников нашли? В Шали? Хороший город. И люди там хорошие. Если какая помощь нужна, — скажи Мансуру (Мансур Магомадов — зам. полпреда ЧР при Президенте РФ), он все организует. Транспорт. Сопровождающего. Словом, поезжай. Хорошая история. Нужная. Особенно сейчас. Когда многие думают, что мы, чеченцы, в деньгах купаемся, а сами ИГИЛ* сочувствуем. Мы же, пусть даже кто-то из москвичей мне и не поверит, — вместе. Несмотря на прошлые ссоры и обиды. Мы были и остаемся с Россией! И враг у нас — общий. Международный терроризм.

Встреча. Тридцать лет спустя

Ноябрь 2015 года. Чечня. Грозный.

Здесь одновременно все изменилось до неузнаваемости и ничего не поменялось. Прежде всего изменился город. Последний раз я видел Грозный пятнадцать лет назад. В первые дни после освобождения города от боевиков. Страшная картина разрухи — ни одного уцелевшего здания. Все дороги усыпаны гильзами, снарядными ящиками и битым кирпичом. Редкие испуганные жители, больше похожие на пропавших и вдруг появляющихся обитателей знаменитой «Зоны»** братьев Стругацких. Непонятные люди с оружием. То ли «свои», то ли «чужие»... По Окуджаве: «Ах война, что ты сделала, подлая...»

Кинохроника

■■■■■■■■■■

2000 год



Март 2000 года. Чечня. Грозный. На «броню» с саперами и взвешниками (солдаты внутренних войск) лечу по улице в сторону центра. Нам до вокзала — там нужно найти эшелон, который стоит на путях еще с «первой чеченской». С трупами солдат. Этот эшелон чеченцы так и не передали в Ростовскую лабораторию, где брали ДНК и искали родственников погибших. Миссия святая. В городе только что закончились бои. Поэтому несемся, насколько позволяет бронетранспортер. Мало ли что...

Среди руин никого. Но вон, впереди, стоят две чеченки, бутылки с водой на снарядных ящиках. Ничего себе, — так это ж первая палатка! Тормозим. Все срываются с брони, чтобы купить газировки. У торговки виден лимонад. Лимонад и на войне — лимонад!

Я остаюсь наверху, — с фотоаппаратурой спрыгивать лень, да и лимонада не хочу.

Человек в камуфляже и милицейских брюках появляется незаметно и без шума. Метрах в пятнадцати от нас. На «нашего» не похож. Бредет в сторону колонки с сорокалитровым бидоном и «калашом». Останавливается. Ставит бидон. Видит, что на броню я один, а остальные возле торговки. Начинает неспешно, чтобы не привлечь внимание, снимать с плеча «калашников».

— Прие-е-хали! — мозг останавливается молниеносно. — Все...

Я понимаю, что сделать ничего не успею. Да и что я сделаю? Скинет сейчас АКМ, зарядит пару очередей. И ни меня, ни ребят...

Начинаю вверх поднимать фотокамеру. Он внимательно смотрит, продолжая синхронно со мной снимать автомат. Машу рукой, показывая, что я — не солдат. Журналист. Журналист, понимаешь, НЕ СОЛДАТ!!! Он застывает. Я подношу камеру к глазу и нажимаю на спуск затвора. Щелк. Черт, у меня стоит на «одиночном», не на серии. Все, видишь, я не стреляю. Еще раз машу рукой. В ответ он поднимает автомат. Как бы сообщает, — я тоже не буду. Хватает бидон и быстро бежит в разрушенную подворотню.

Через пару минут возвращаются мои. Предлагают лимонад. Спрашиваю у замполита, нет ли водки? Дает флягу. Я делаю три огромных глотка, наверное, с полстакана размером каждый. Горло мгновенно пересыхает. Кто-то втискивает в руку купленный лимонад. Запиваю. «Отпускает». Спасибо, что не стрелял! Спешим к вокзалу...



24 ноября 2015 года. Город Шали, Чечня. Родион Заболотский встречается с родственниками Жерман и Билкиз

И на-те вам. Сити! Небоскребы. Сверкающие неоновыми улицы и проспекты. Бутики, супермаркеты, пиццерии и кафе. Дороги, которые не уступят даже Новой Риге. И, конечно, сияющая днем и ночью мечеть «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова.

Совсем не изменились люди. Только здесь, прямо с трапа можно попасть на праздник. Потому что тебя будут встречать не только те, у которых ты должен остановиться на ночлег, но и их родственники, знакомые, друзья. Тем более, когда случай такой, как у нас!

Здесь не говорят «привет»!

Здесь совершенно незнакомые до этого момента люди спрашивают: «Все ли у вас хорошо? Как здоровье ваших близких? Как погода в Москве?» И после русского рукопожатия, здороваются по-чеченски, слегка приобнимая одной рукой.

Ас-саламу алайкум! Мир вам!

Ва алайкум салам! И вам мир!

Немного притормаживаем, пока в терминале идет оплата парковки автомобилей. Получился кортеж из пяти. Роджер, выживший после родственных объятий, садится на специально приготовленный «Харли-Дэвидсон». Как же без него?! Он же байкер!

Мчим в Грозный. Сначала в гараж к байкерам. Потому что Тимур — тот самый звонивший чеченец, что нашел родню, теперь и сам всем родной. А не выпить чаю в его доме — значит обидеть хозяина.

— Мы когда первый раз созвонились, и я узнал, что действительно в Шали жил такой Ахмед Хасиев. И что умер он примерно тридцать лет назад. От рака. И что была у него русская жена. И что он там похоронен. Роджер сначала не поверил. — Тимур начинает с самого начала. — Созванивался с мамой, которая сейчас живет в Татарстане, и выпытывал у нее. Мол, отец-то — Хасиев, а не Асiev? И зовут его — Ахмед, а не Олег? После, когда мама подтвердила: да, она рассказывала, что отец Олег, потому что так его называли в России. На самом деле его настоящее имя Ахмед. А фамилия Хасиев, а не Асiev — верная, просто Роджер когда-то неправильно ее запомнил «на слух». Словом, я созвонился потом с Хасиевыми и сказал им: все сходится. Вас ищет сын Ахмеда. Он сейчас в Москве. Ему 33 года. Скоро он к вам приедет...

Прощались с Тимуром уже в спустившейся на Грозный темноте. По машинам, и спешим в Шали. Там накрыт стол, и все уже ждут. Хотя трудно представить, кто еще может ждать: напомним, нас встречали на пяти автомобилях!

Раджбек

Ноябрь 2015 года. Чечня. Шали.

— Он вылитый Ахмед! Прямо копия!!! — В один голос весь вечер вторили все, кто приходил в дом к дяде Роджера, Магомеду. — Не потому, что просто похож. Он такой же... Ахмед был самым веселым в семье. Самым бесшабашным. Как жаль, что он так рано умер. Его все так любили...

Голос за кадром

Самое трудное сейчас — написать сцену встречи. Радость и слезы. Слезы. Радость. Снова слезы... Они были вместе. У каждого, кто входил в дом Магомеда, обнимал виновника торжества и садился за стол с национальными чеченскими галушками. Жижиг-галнаш.* С соками и «Буратино». С крепким чаем, который пили до рассвета. И рассказывали про времена, которые провели врозь. Времена, в которых были Ссылки и Разлуки. Воина и Мир. Любовь и Ревность. Предательство и Прощение. И каждая судьба — не просто рассказ. Даже не повесть. И даже — не роман. Это Жизнь...**

— Раджбек... Ты уже знаешь, что его чеченское имя Раджбек. — Магомед обращается ко мне, когда я выхожу во двор курить. — Правда, такого чеченского имени нет, но мама с папой очень любили индийское кино. И, когда появился младенец, его назвали Раджбек. В честь Раджа Капура. Актер такой был индийский... Магомед задумывается. Затягивается. Слышен шепот сгорающего табака...

— Его маму принял тепп. Наш родовой. Ачалой. Редкий случай. Обычно тех, кто в те времена привозил домой русских жен, изгоняли. Но настоял дед Хамид. Он был уважаемый человек. Мулла. Утром пойдем на кладбище, зайдём к нему на могилу. Люба, мама Раджбека, понравилась деду Хамиду. Потому что была открытой и естественной и очень готовилась к первой встрече с нами. Даже чеченский язык учила. Дед тогда всем сказал: «Люба может жить с нами». Дед многое знал. И многое вынес. Ведь ему тоже пришлось пережить ссылку 1944-го, когда в один день чеченцы были депортирова-

ны по приказу Сталина. Нашему деду и многим родственникам пришлось четырнадцать лет прожить на чужбине. В Казахстане. Там родился я. Там родился и Ахмед, отец Раджбека. Мы выросли вместе. Нас воспитывала одна мать. Мама Ахмеда бросила его, когда мальчишке исполнилось два года. Так-то мы, получается, двоюродные. Наши отцы — братья. Я учился хорошо. Ахмед — был неусидчивым. В общем, троечником. Там же, в Казахстане, они и познакомились, Люба и Ахмед. Поженились по светским законам. Но Ахмед заболел. У него обнаружили рак. И умер, когда ему было всего 32. Люба, понимая, что, по чеченским законам, у нее должны забрать мальчика (в таких случаях мальчика воспитывают в семье ближнего родственника — мужчины), приехала на похороны и сказала, что малыш болеет и находится у бабушки. И что она его привезет после выздоровления. Но уехала и «пропала». Это теперь ясно, что снова вышла замуж и взяла фамилию нового мужа... Она очень красивая была. Недавно приезжала, после того как Раджбек нас нашел. Ее все приняли. Зла никто не держит — жизнь и Аллах так распорядились... Сейчас болеет. Жаль, хорошо бы вы все вместе приехали...

Депортация чеченцев и ингушей (операция «Чечевизация») с территории в Среднюю Азию и Казахстан проведена в период с 23 февраля по 9 марта 1944 года по принятому 31 января 1944 года постановлению ГКО СССР № 5073 «за пособничество фашистским захватчикам». С начала Великой Отечественной войны до января 1944 года в республике было ликвидировано 55 банд, убиты 973 их участника, арестованы 1901 человек. На учете НКВД на территории Чечено-Ингушетии состояло 150—200 бандформирований численностью в 2—3 тысячи человек (примерно 0,5 % населения). При этом многие чеченцы и ингуши доблестно воевали в составе Красной армии, 2300 (примерно 0,5 % населения) чеченцев и ингушей погибли на фронте. В обороне Брестской крепости участвовали, по разным данным, от 250 до 400 выходцев из Чечено-Ингушетии. По официальным советским данным, из Чечено-Ингушской АССР были насильственно выселены более 496 тысяч человек, в том числе в Казахскую ССР — 411 тысяч человек (85 тысяч семей) и в Киргизскую ССР — 85,5 тысячи человек (20 тысяч семей).

9 января 1957 года Указ Президиума Верховного Совета СССР о депортации чеченцев и ингушей был денонсирован.

Советский человек благодарен Рамзану

Ноябрь 2015 года. Чечня. Шали.

— Знаешь, я — советский человек, — говорит Увайс, брат Магомеда и дядя Раджера-Родиона-Раджбека. — Тебе не кажется, что с религиозным вопросом сейчас «перегнули»?

Мы выходим с кладбища, где только что побывали на могилах родных. Я вопросительно, не скрывая удивления, смотрю на собеседника. К чему клонит?

— Понимаешь, что у вас, в Москве, что у нас, в Чечне, многие вдруг стали очень набожными. Страшно не это. Другое. Просто некоторые — чересчур. Одни с хоругвями пошли, другие с Аллахом! Я тоже верю в Аллаха, но, мне кажется, религия — дело очень личное, не напоказ. Такого поворота, честно говоря, я не ожидал.

— Как ты уже знаешь, — повторяет Увайс, — мы выросли в семье муллы. Но отец никогда не призывал носить полумесяц «наружу». Тем более так относиться к чеченским традициям, нашим «адагам»****. Когда в начале девяностых возвращались первые ученики из саудовских медресе и духовных университетов, вдруг что-то начало переворачиваться. Они начали командовать стариками, хотя это грех. Очень большой грех! А что происходило на проповедях в молельных комнатах?! Некоторые «новые проповедники» так трактовали традиционный ислам, что нам, выросшим в доме священника, и не снилось! А что происходило после этих проповедей в головах молодых ребят, многие из которых даже не смогли в «лихие» времена закончить обычную школу. Остались без работы

Кинохроника



2000 год



2015 год

Тоннель под железнодорожным мостом в окрестностях площади Минутка, где 6 октября 1995 года было совершено покушение на командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне генерал-полковника Анатолия Романова. То же место — сейчас



2015 год

«Грозный-Сити» — комплекс высотных зданий в Грозном, расположенный в центре города, на берегу реки Сунжа



25 ноября 2015 года. Кладбище города Шали, Чечня. Родион Заболотский возле усыпальницы деда Хамида

Субтитр

7 принципов и запретов Рамзана Кадырова

- Примирует «кровников»
- Запретил воровать девушек (как невест)
- Запретил гадалок
- Нерадивый чиновник изгоняется сразу, часто прямо с заседания правительства, в «прямом эфире»
- Помогает бедным и больным детям
- Неизвестно, когда спит. Может появиться на стройке или дороге один, без охраны, в любое время дня и ночи
- Заставляет всех исполнять правила дорожного движения: применяется жесткое наказание «своих» за их нарушение, даже незначительное. Автомобилистам из других регионов, как правило, за мелкое нарушение делается «внушение».

и без каких-либо перспектив... Хорошо, что появился Рамзан Кадыров. Он, конечно, жесткий. Но по-другому у нас нельзя. И что он большие мечети строит — тоже правильно. По крайней мере, народ будет знать, что там не запудрят мозги ваххабиты и экстремисты...

На правах старшего в разговор возвращается Магомед.

— Да, Рамзан жесткий. Но он справедливый. Сейчас любой скажет ему спасибо! Прежде всего потому, что стало безопасно. Сегодня вечером, если захочешь, можешь пройти по улице и постучаться в любой дом. Попроситься на ночлег. Тебе нигде не откажут. Несмотря на то что ты — русский. Накормят и дадут переночевать. Сможешь так сделать в Подмосковье? Спасибо еще и потому, что после почти пятнадцати

Субтитр

7 чеченских правил жизни

- Старший вошел — встань, поприветствуй.
- Старший вышел — встань, попрощайся.
- Дорогу переходит старший — пропусти.
- Без рубахи перед старшим не появляйся.
- Мальчик должен воспитываться в семье, где есть мужчина. Девочка — где женщины.
- Женщины с мужчинами за один стол не садятся.
- Руками незнакомую девушку не трогай. Хочешь познакомиться — спроси разрешения.



1957 год. Казахстан. Слева направо: Хава (прапрабабушка Роджера), Аmani (его бабушка), Салман, Ахмед (отец Роджера), Магомед, Солдаш, Ризван и Хамид (прадед Роджера)

лет бардака и войн старикам стали регулярно выплачивать пенсии, бюджетникам и госслужащим — зарплаты. И что пьяниц по телевизору показывают, как обезьян. И что он сам пять лет потратил, чтобы примирить «кровников». Конечно, бывает, он «перегибает», не без этого. Я не хотел бы ему льстить. Но за сделанное Рамзану народ благодарен. Я сам знаю, что здесь другому не получится, — мне тоже пришлось работать на руководящей должности. Всякое бывало... Что же до «московских чеченцев»?... До тех, которые закон там нарушают... Многие из них, как раз «изгнанники». Изгнанные родными за нарушение законов здесь.

— И мы ведь станем за Россию, если шакалы придут, — снова аккуратно поддерживает беседу Увайс. — Не сомневайся, грудью встанем. Вот только долго ли продержимся. Много их, одурманенных. Тем более что после сбитого бомбардировщика и введенных санкций у Эрдогана велик соблазн пропустить через Турцию полчища игиловских варваров. Грузины вряд ли встанут насмерть. Поэтому первые на пути — мы. Конечно, и осетины, и ингуши, и кабарда. Но у тех своего Рамзана пока нет... Как хочется без войны дожить! Без большой и малой. Да что я тебе говорю, ты же здесь был, и многое сам видел, когда «попыхало»...

Голос за кадром

Знаете, а я им по хорошему завидую! Я с трудом себе могу представить, по какому случаю вот так сорвутся с места и соберутся за столом три поколения моих родственников! Переругавшихся из-за бабушкиного, более чем скромного наследства. Завидующих успеху родных и любящих только «халяву». Сейчас, случается, хуже, знаю не по наслышке. Находят деда, погибшего на войне. Поисковики звонят родственникам, а те говорят: «А че вы звоните? Мой дед? Ну и что...» А как сложно представить, что кто-то из родных будет спешить в аэропорт, чтобы повидаться хотя бы «на час», слишком поздно узнав, что прилетел потерявшийся родственник! Как искренне, до истерики будет рыдать сестра Амнат, на второй день добравшись к новому брату Раджбеку...

Мы тебя теперь никогда не бросим

Ноябрь 2015 года. Чечня. Грозный. Аэропорт.

Мы стоим в грозненском аэропорту «Северный». Я — счастливый, что материал сложился и что в этот раз удалось ускользнуть от Увайса, обещавшего перед вылетом отвезти на рыбалку в Итум-Кали.

— Мы всего на часок. Там мой друг, он начальник полиции. Только полюбуемся окрестностями, шашлык-машлык, и в аэропорт... Все-таки коварный народ, чеченцы! Роджер. Он же Родион. Он же теперь — Раджбек. Обнимающий близких и новых друзей. Которых не было. И которых в одночасье стало очень много.

Уже за рамкой металлоискателя мы слышим, как ему кричат вслед: «Раджик, сын, возвращайся! Мы тебя никогда не бросим!...»



1 ряд, слева направо: Шамиль, Жарман, Магомед, Али (все Хасиевы) и Увайс Идалов (третий слева); 2 ряд: Амнат Идалова, Бувайсар Идалов, Билкиз Бисултанова, Раджбек Хасиев, Амнат Хасиева, Руслан Хасиев, Адам Хасиев (обнимает двух Русланов), Руслан Хасиев, Луиза Хасиева; 3 ряд: Саламбек Хасиев (обнимает Раджбека и Руслана)



26 ноября 2015 года. За час до отъезда Роджеру удалось впервые увидеть свою тетю — Бирлант Межиеву

Субтитры

* **ИГИЛ** — запрещенная в России террористическая организация.

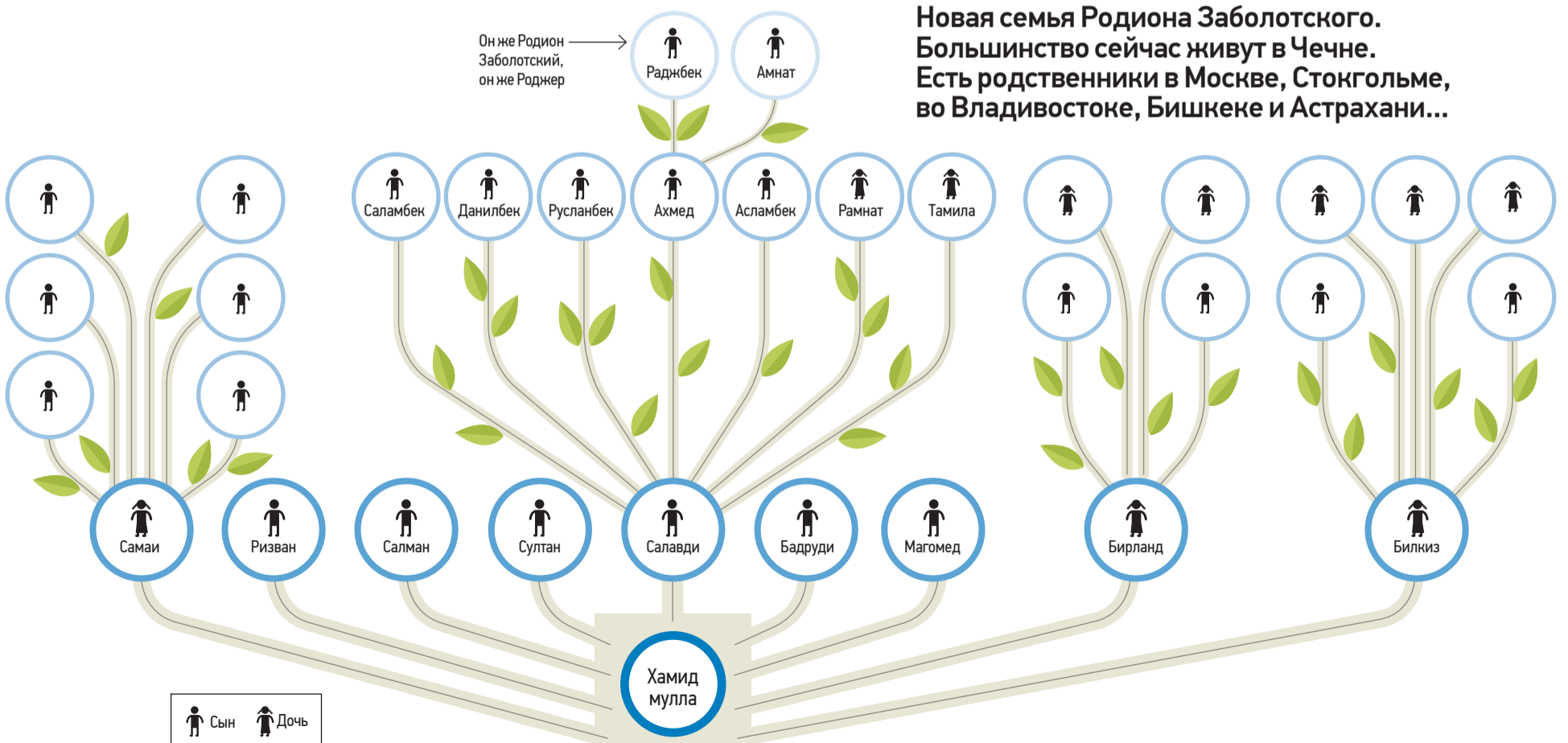
** **«Зона»** — вымышленное место действия, где происходят аномальные явления и исчезают люди в романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» и кинофильме «Сталкер».

*** **Жижиг-галнаш** — он же жижиг-галныш, он же в переводе с чеченского языка «мясо-галушки». Национальное чеченское блюдо. Галушки готовят из пшеничной или кукурузной муки. Их подают с говядиной, бараниной, индейкой, курицей (котам-галнаш). Блюдо подается с чесночным или луковым соусом «берам».

**** **Адат** — обычай, нормы доисламских правовых комплексов, а также реалии правовой жизни, не отраженные в шариате. Адат представляет собой совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и т. п. отношений. Согласно исследованию ученых, к началу XIX века союзы чеченских тейпов (тукхумы) имели каждый свой свод адатов. По общим правилам гражданские дела разбирались на основе шариата, а уголовные — на основе адата.



Новая семья Родиона Заболотского. Большинство сейчас живут в Чечне. Есть родственники в Москве, Стокгольме, во Владивостоке, Бишкеке и Астрахани...



Послесловие

Жизнь часто богаче наших представлений о ней. Рассказанная история будет покруче индийского кино. Однако отличие сказки с хорошим финалом, который называют «хеппи-энд», от правды жизни только в том, что сказка кончается. А жизнь готовит нам продолжение. У чеченской семьи Родиона оно, продолжение, крепкое и надежное.

1983 год. Казахстан. Родион Заболотский (по рождению Раджбек Хасиев) с отцом — Ахмедом и мамой Любовью



1991 год. Камские Поляны. Родион Заболотский (на первом плане) с мамой Любовью, отчимом Николаем и сводным братом Владимиром



Автор и редакция газеты «Вечерняя Москва» благодарят за помощь в организации материала лично:

Бекхана Таймасханова — Полномочного Представителя Чеченской Республики при Президенте РФ — заместителя Председателя Правительства Чеченской Республики;

Джамбулата Умарова — Министра Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации;

Турпал-Али Ибрагимов — Главу администрации Шалинского муниципального района Чечни;

Ислама Хатуева — Директора Департамента печати и информации Министерства Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации;

Мансура Магомадова — заместителя Полномочного Представителя Чеченской Республики при Президенте РФ;

Бувайсара Шамсутдинова — Главного редактора газеты «Даймохк»;

участников байкерского движения «Дикая дивизия» **Магомеда Эдиева** и **Ибрагима Дамаева**.